

ГОТОВИТЕ СЕБЕ
ЗА ПУТЕШЕСТВИЕ

ГРИЛЬПАРЦЕР

521164

Франц Грильпарцер

Еврейка из Толедо

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Альфонсо Благородный, король Кастильский.

Элеонора Английская, его супруга.

Принц, их сын

Манрикс, граф де Лара, адмирал Кастильский.

Дон Герцера, его сын.

Донья Клара, придворная дама королевы.

Камеристка королевы.

Исаак, еврей.

Эстер, Рабель — его дочери.

Рейнеро, оруженосец короля.

Вельможи, придворные дамы, просители, слуги, народ.

Место действия — Толедо и окрестности. Время — около 1195 года.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Королевский сад в Толедо. Входят Исаак, Рабель и Эстер

Исаак Стой, куда ты? В сад нельзя! Что, тебе закон не писан? В час, когда король гуляет, Ни один еврей не смеет — Провались они сквозь землю! — Ни один еврей не смеет Появляться здесь, в саду.

Рабель

(поет)

Ла-ла-ла-ла...

Исаак

Ты оглохла?

Ракель

Нет, я слышу.

Исаак Так идем же.

Ракель Слышу все и не пойду!

Исаак

Горе мне! За что всевышний Покарал меня так тяжело?

Я ль постов не соблюдал. В жизни в рот не брал трэфного. Деньги бедным раздавал. Так за что мне эта кара?

Ракель (к Эстер)

Что ты в мой рукав вцепилась? Все равно я здесь останусь. Короля хочу увидеть, Двор его великолепный, Камни, золото, наряды. Я слыхала, бел, румян он — Наш король собой красавчик.

Исаак Ну. а если слуги схватят?

Ракель Э, отпустят! Упрошу...

Исаак

Боже! Вылитая мать. Ту, бывало, так и тянет К христианским развлечениям. Коль за ней бы не следил я. То и впрямь подумать мог бы, Что от христиан поганых Легкомыслие твое! Первая жена, я помню,

(к Эстер) Мать покойная твоя, Доброю была и скромной. Как и ты, хоть оборванкой В дом пришла она ко мне. Да какой в нем толк, в богатстве? Что узнал я, кроме горя. От второй моей жены? Что ни вечер — у нее Пио горой, веселье, гости,

Что ни день, меняет платья, Вот и дочь в нее пошла! Тоже броши, кольца, серьги, Словом, целый Вавилон!

Ракель

(напевает) Я ль не красива, Я ль не богата, Как ни бранитесь, Не покорюсь вам.
Ла-ла-ла-ла-ла!..

Исаак

Носишь туфли дорогие — Каждый шаг песету стоит! Вот сережки нацепила. Для чего? Чтоб вор похитил? Чтоб в траву их уронить?

Ракель

(снимает серьги) Посмотри, вот их снимаю. Как они блестят, сверкают, Только что мне в этом блеске?

(К Эстер.) Захочу — тебе отдам их, Захочу — и вовсе брошу...

(Делает вид, что бросает серьги.

Исаак

(бежит в поисках сережки) Боже! Где теперь искать? Ой, пропала! Не отыщешь!

Эстер

Ну, зачем ты? Ведь сережка...

Ракель Что, ты думаешь, я — дура И алмазами швыряюсь?

Глянть-ка, вот она — цела! Зablестит опять на солнце, Оттеня жар щеки...

Исаак (продолжая искать) Ой, пропала!

Ракель

Нет, отец. Я ведь только пошутила. Вот пропажа и нашлась.

Исаак

Чтоб тебя! Какие шутки! Так идем без разговоров!

Ракель

Никуда я не пойду! Короля должна я видеть, Я — его, а он — меня! Пусть он выйдет в сад и спросит: «Как, прекрасная еврейка, Звать тебя?..» И я отвечу: «Я — Ракель, дочь Исаака!..» И король тогда с улыбкой По щеке меня потреплет, И прекрасную Ракелью Назовет меня молва. Пусть от зависти хоть лопнет Вся Кастилия...

Эстер

Отец!

Исаак

Что такое?

Эстер

Ты не видишь? Вот они! Уже идут!

Боже правый! Помоги нам! Это — свита короля!

(Ракели.)

Ты идешь?

Ракель Ведь я сказала...

Исаак Ну, как знаешь! Оставайся! Мы пошли.

Ракель Постой, отец! Исаак

Вот опять! Идем, Эстер!

Уходят.

Ракель

Я боюсь одна! Вернитесь! Слышите? Оставайтесь! Страшно! Вот они!.. Сестра! Отец!

(Бежит за ними.)

Входят король, королева, Манрике, де Лара, донья Клара и свита.

Король (входя)

Впустите всех! Народ не помешает Прогулке нашей. Званье короля Дано тому, кто высшим среди многих Народом признан. Стало быть, народ — Часть самого меня.

(Королеве.)

А ты, супруга, Ты также часть — не меньшая — моя. Привет тебе у этих древних стен, В моем Толедо верном!.. Оглянись,

И пусть твое сильней забьется сердце! Подумай: ты — у самой колыбели Моей души! Здесь нет такого камня, Нет дома и нет дерева такого, Которые не стали б для меня Святым и грустным памятником детства, Когда, гонимый королем Леона, Моим жестоким дядей, я — бездомный Ребенок, у которого судьба Отца и мать похитила, скитался По вражеской земле. О, та земля Была моей страной! Как преступник, Скрывался я в кастильских городах, А подданные верные мои, Опаснейшему подвергаясь риску, Меня скрывали. В случае беды Хозяину и гостю смерть грозила. Вот в эту пору славные мужи — Дон Эстебан Иллан, который ныне В могиле холодной под травой спит, И доблестный Манрике, граф де Лара, Меня в столицу вражью привезли, Сюда, в Толедо. В башне Санкт-Романа, Что поднялась над крышами соседних Домов и храмов, в этой самой башне В безмолвной тишине я ждал сигнала. А Эстебан и Лара между тем Разбрасывали слухов семена Среди толедцев. И настало утро, — Был праздник вознесения Христова, — У врат собора собралась толпа, И, распахнув тогда мое окно, Мужичья толпа народу показала И возгласили: «Здесь он, ваш король — Князей старинных истинный наследник, Защитник прав народа своего!» Я был тогда ребенком и заплакал, Но и поныне слышу крик толпы, В едином слове слившийся согласно. И тысячи мечей, как меч единый, Взметнулись вверх, как бы в одной руке.

Господь тогда нам даровал победу. Леонцы прочь, разбитые, бежали. И — дальше, дальше! Наступленье шло. В бою я был не воином, а флагом И побеждал улыбкой — не мечом. Но вы, вы, благородные мужи, Меня вскормили! Кровь из ваших ран Была мне материнским молоком. Вот почему, в отличие от тех Монархов, именуемых отцами, Я своего народа верным сыном Себя назвать могу. Всем, что я есть, Я лишь народу своему обязан.

М а н р и к е О, если вправду ваша власть и слава Исток свой в нашей верности берут, Тогда мы с легким сердцем благодарность Принять готовы: ведь в каких деяньях, В каком величье воплотились наши Заботы, наставленья — и недаром: Как говорят, долг красен платежом.

(Королеве.) Владычица! Взгляните на него! Знала многих королей Кастилья, Но благородством духа превосходит Всех правивших монархов ваш супруг. По-стариковски зол я и ворчлив, Но, сидя в государственном совете, Придирчиво речам его внимая И затаенно поводов ища Для озлобленья или недовольства, Себя осознавал я побежденным, Пристыженным: всегда был прав король. А мне... Мне только зависть оставалась.

Король Ого! Наставник льстит ученику! Но спорить нам не следует об этом: Вам лучше, коли я не так уж плох. Да вот что страшно кто лишен изъянов,

Грильпарцер

Подчас и добродетелей лишей. Ведь неспроста корявыми корнями, Сокрытыми от солнечного света, Дуб мутную высасывает влагу Из-под земли и обретает мощь. Не так ли древо мудрости, чьи ветви Устремлены в небесные пространства, Берет свою божественную силу Из темных недр земного бытия, Где скрыты заблужденья и пороки? Кто справедлив — бывает слишком жесток, Кто мягок, тот бывает слишком слаб, Храбрец нередко опрометчив в битве, Ценой борьбы мы обретаем власть, А добродетель — лишь порок сраженный. Но я не знал особых прегрешений — Я просто не успел их совершить. Я отроком изведаль тяжесть шлема, А юношей — безжалостность меча. Взгляд устремив на вражеские рати, Не замечал я жизненных соблазнов, Манящих благ и радостей запретных: Все это было для меня чужим. Что существуют женщины, узнал я Лишь в храме, под венцом, у алтаря, Когда стоял с моей невестой рядом. О, сколь она чиста и безупречна, Жена моя, и сколь любима мною! Но мне была б она еще дороже, Когда б я мог не только поклоняться, Но изредка хоть что-нибудь прощать.

(Королеве.) Ну, не пугайся, друг мой: это — шутка. До вечера загадывать не стоит, Как день пройдет. И страхи — ни к чему. Ведь слишком малый нам отпущен срок — Не лучше ли его употребить На благодатный, хоть и краткий отдых? Пожар междоусобицы угас. Однако вновь готовится к походу Строптивый мавр. Из Африки он ждет

От Бен-Юсуфа родственной подмоги

Его в сраженьях закаленных войск.

И новый бой и новые невзгоды

Нас ждут тогда... Пока ж раскроем сердце

Отраде, миру, праздности блаженной...

Нет никаких вестей?.. Однако что я!

Ты даже не глядишь, Элеонора,

На то, что здесь создал я для тебя?

Королева

На что глядеть?

Король

Обидно, адмирал! Ужели мы старались понапрасну, Когда недели целые подряд Мы этот сад, который прежде мог Давать лишь апельсины и прохладу, Пытались в новый парк преобразить, Который нашей строгой королеве Напоминал бы об отчизне строгой? Но нет! Она лишь головой качает, Даря нас снисходительной улыбкой. Все дети Альбиона таковы! Все, что для них хоть малость непривычно, Они тотчас любезно отвергают. Но ты хотя бы оцени старанья И слово ласки удели вельможам, Трудившимся столь ревностно для нас!

Королева Спасибо вам, сеньоры!

Король

Вновь о парке Поговорим, — день все равно испорчен. Я собирался показать тебе Лужайки и дома в английском вкусе, И прочее, измышленное нами Тебе в угоду. Но не довелось!

К чему притворство, друг мой? Ты не Так бог с тобой. Не будем огорчаться. К делам правленья перейдем, покуда Испанское вино нам не украсит Испанской кухни лучшие дары!..

Что нет вестей? Еще гонец с границы Не прибыл к нам? Толедо мы избрали, Чтобы вблизи от вражеских дозоров Самим врага из виду не терять. Так где ж гонец?

Манрике

Сеньор!

Король

Скорей, скорее! Манрике

Гонец явился.

Король Где же он?

Манрике (указывая на королеву) Потом.

Король Моя жена участвовать привыкла В делах совета и в делах войны.

Манрике

Меня гонец смущает — не известье...

Король

Так кто же он?

Манрике Мой сын!

А, Гарцерам?

Пусть явится.

(Королеве.)

А ты, мой друг, останься. Сей юноша изрядно провинился, Когда, переодевшись камеристкой, Проник он дерзко в женские покои, Чтоб свидеться с возлюбленной своей. Ну, донья Клара! Полно! Не смущайся: Он смел и чист, хоть молод и горяч. Он был товарищ мне по детским играм. К чему жестокосердье? Ведь с лихвою Свое он легкомысленье искупил В изгнание долгом на краю державы...

По знаку королевы донья Клара удаляется.

Ушла! Что делать? Нравственность подчас Себя самой бывает строже.

Входит Гарцерам.

Друг мой! Как там дела? Что слышно на границе? Ужель там всех застенчивость девичья Одолевает так же, как тебя? Тогда — прощай, Испании защита!

Гарцерам

Мой государь! Солдату враг не страшен, Страшнее женский справедливый гнев.

Король

Коль справедлив он, — да. И ты не думай,

Что нравов чистоту блюду я меньше,

Чем наша королева: но предел

Всему на свете есть, и гневу тоже.

Поэтому еще раз, Гарцерам:

Как там дела? Спокойна ли граница?

Гарцерам

Мы бьемся там, как в настоящей битве: Мечи сверкают и струится кровь. И этот мир считался бы войной, Когда б в нем было меньше вероломства! Однако в эти дни враг стал потише.

Король

О, это знак дурной!

Гарцерам

И мы считаем, Что копит силы он для новых битв, Свидетельством тому служить могли бы Из Африки идущие суда, Которые привозят в Кадикс тайно Людей и продовольствия запасы: Там, думаю, вербует Бен-Юсуф Бесчисленное войско, чтоб внезапно Обрушиться на наши рубежи.

Король

Ну что ж! Ударит — так и мы ударим. У них — султан. Вас поведет король. И, если в небе существует бог, Мы победим. Господь и правда с нами. И все ж одна меня забота гложет: Несчастья бедных подданных моих. Я — во главе и я за всех в ответе. Велите же во всех церквах и храмах Молить о ниспослании победы. Пусть тот, кто завтра выйдет в честный Сегодня сердце верой укрепит!

Гарцерам

Заранее исполнен твой приказ: Колокола гудят по всей державе, И в храмах собирается народ. Но часто необузданное рвенье Грозит бедой и горем иноверцам,

Которые, торговлей промышляя,

Рассеялись по нашим городам.

То там, то здесь — доносят — бьют евреев.

Король

И вы молчите? Господом клянусь, Я подданных своих не дам в обиду, Какой бы веры ни были они!

Гарцерам

Но люди говорят: они - шпионы, Подкупленные мавром...

Король

Что за вздор! Откуда знать им тайны государства? Евреев я к себе не приближал, Затем что в целом свете я один, А не евреи или христиане, Пред богом олвечаю за страну. Но горе вам. коль кто-нибудь посмеет...

Женский голос

(за сценой) Спасите! Мы погибли!

Король

Что еще?

Гарцерам

В саду задержан королевской стражей Старик какой-то, кажется, еврей. Две девушки с ним были вместе... Видишь, Одна из них бежит сюда...

Король

Разумно!

Она здесь в безопасности надежной. И горе тем, кто причинит ей зло!

(За сцену.) Сюда, смелей!

Ракель (вбегает, в слезах, ища защиты)

Они меня убьют! Как там отца убили. Нет защиты!

(Увидев королеву, падает перед ней на колени.) О королева! Смилуйся! Прости Над недостойной царственную руку, От лютой смерти огради еврейку, И я — твоя рабыня...

(Хочет схватить руки королевы, но та отворачивается. Вставая.)

Всюду — смерть! Куда бежать? Где спрятаться?

Но кто,

Кто ты, о благородный господин? Как свет луны, твои сияют очи, Покой и утешенье излучая. Ты можешь и, я знаю, не откажешь Спасти меня! Спаси меня, спаси!

(Бросается к ногам короля.)

Король (к приближающимся придворным)

Оставьте! Страх ей разум помутил. И вместе с ней меня объемлет ужас.

Ракель (поднимаясь)

О, посмотрите! Все, что есть на мне...

(Снимает с себя украшения, вставая.) Вот эти бусы, кольца, два браслета И этот дорогой платок индийский — Отец его купил за сорок фунтов -

(снимает платок) Я все отдам. Оставьте только жизнь. (Вновь опускается на колени.) Вводят Исаака и Эстер.

В чем провинился этот человек?

М а н р и к е (при общем молчании)

Король, ты знаешь: этому народу Вход в парк твой запрещен в часы прогулок

Твоей семьи...

Король Ну, если запрещен,

Я разрешаю.

Эстер Господин, поверьте: Отец мой не шпион, простой торговец, И письма те, что найдены при нем, Написаны на языке еврейском, А не по-мавритански...

Король

Я вам верю.

(Указывая на Ракель.) А это кто?

Эстер Она моя сестра.

Король Бери ее — и уходите с богом!

Эстер приближается к Ракели. Ракель

Нет, нет! Они меня сейчас же схватят И, за ограду выведя, убьют.

(Показывая на украшения.) Вот он — мой выкуп. Смилуйтесь, сеньор! Хочу остаться здесь, поспать немного.

(Прижимаясь щекой к колену короля.) Так безопасно здесь...

Королева

Вы не идете?

Король Простите, я — в плену,

Королева

О, вы в плену! Но я свободна и уйду отсюда!

Королева уходит со своими дамами. Король

Капризы женщин часто нас влекут К тому, чего бы избегать нам нужно.

(Ракели строго.) Возьми платок и — прочь!

Ракель

Мой повелитель! Еще минуту... Ноги затекли... (Сидит, опершись локтем о колено, опустив голову на

Руку).

Король

(отступая) Всегда она, скажите, столь пуглива?

Эстер

Нет, что ты, государь! Еще недавно Была она резва и весела, И уходить отсюда не хотела, Тебя не повидав...

Король

Меня?! Однако Пришлось за это дорого платить.

Эстер

Она и дома все смеется, шутит, То дразнит нас, то возится с собакой, И всех смешит, когда и не до шуток,

Жаль, что твоя сестра не христианка. Здесь, во дворце, где торжествует скука, Она весьма пришлась бы по душе. Немного шутки было б очень кстати. Эй, Гарцерам!

Гарцерам Король и повелитель...

Эстер

(склоняясь над Ракестью)

Вставай, вставай...

Ракесть

(встает, снимает с Эстер ожерелье и бросает его на землю, к своим украшениям)

И ты отдай свое...

Мой выкуп — вот он...

эстер

Хорошо. Пускай...

король Ну, что ты обо всем об этом скажешь?

Гарцерам Я, мой король? Что я...

король

Не притворяйся! Ведь ты ценитель, знаешь в этом толк, Я в женщинах не очень разбираюсь, Но мне прекрасной кажется она.

Гарцерам

Да, это так.

король Ну что ж, крепись, мой друг! Тебе придется проводить бедняжку.

Ракесть

(стоит посреди сцены с поникшей головой; закатывает рукав платья)

Надень браслет! Ой! Жмешь мне руку больно,

Дай ожерелье мне. А, вот оно...

Платок оставь... Как тяжело, как душно!

Король Домой их отведи...

Гарцеран

Я опасюсь...

Король

Чего?

Гарцеран Вокруг волнуется народ.

Король

Ты прав, пожалуй. Слово короля — Надежный щит, но думаю, что лучше Без поводов судьбы не искушать.

Эстер

(оправляет платье Ракели) Ох, глянь, во что ты превратила платье!

Король

Ты для начала их сведи в беседку, Которых много в парке у меня. А лишь стемнеет...

Гарцеран

Слушаюсь, сеньор...

Король Вы все еще — я вижу — не готовы?

Готовы.

Король

Так... Когда настанет вечер И толпы разойдутся, ты домой Доставишь их. На том и порешили.

Гарцеран Прекрасная язычница, идем!

Король Язычница? К чему такое слово? Эстер

(Ракели, которая собралась уходить)

Скажи хотя б спасибо господину За доброту его...

Ракель

(все еще обессиленная, обращаясь к королю)

Благодарю Тебя, сеньор, за помощь и защиту. Когда б я не была созданием слабым, То эта голова,

(проводя рукой по шее)

что спасена Тобой от палача, и эта грудь Щитом бы стали для тебя надежным...

Король Красивый щит!..

Итак, ступайте с богом.

Но, Гарцерам...

(Тихо.)

Мне б очень не хотелось, Чтоб эта подопечная моя Вдруг стала жертвой шутки неуместной
Иль дерзости...

Ракель (касаясь рукою лба)

Я не могу идти...

Король

(видя, что Гарцерам хочет предложить ей руку)

К чему рука? Пусть даст сестра ей руку. А ты, старик, присматривай за дочкой. Мир зол и
грязен: береги свой клад.

Ракель и ее спутники, сопровождаемые Гарцерамом,
уходят.

(Глядя ей вслед.) Шатается... Все существо ее - Встревоженное бурей море страха.

(Касается колена.) Так обняла она мои колена, Что я сейчас испытываю боль... Но диво ли?
Мы презираем труса, И поделом. Но этот слабый пол Тогда всемогущ лишь, когда он слаб. А
вы со мною, адмирал, согласны?

Манрике Я думаю, высокий господин, Что сына моего вы наказали Скорее изощренно, чем
сурово.

Король

Я? Наказал?

Манрике

Ему вы поручили Отребье это.,

Король Думается мне, Что вовсе не жестока эта кара. Увы, я сам плохой ценитель женщин
(показывая на свиту),

Но эти господа — иного мненья. Однако прочь от этих смутных сцен! Пора к столу — все
жаждут подкрепленья И, первый кубок вскинув в высоту, — Пусть каждый вспомнит про свою
мечту! Так без чинов! Я приглашаю всех!

Придворные строятся по обе стороны короля Уходят.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Часть сада.

Справа павильон с балконом и дверью, к которой ведут ступеней. Входит Гарцерам.

Гарцерам

Итак, пока я, кажется, спасен. Девчонка — дура и мила собою. А раз любовь сама сплошная глупость, То дурочка в любви опасней умной. К тому ж неплохо было б заодно мне Восстановить доверье королевы. Дешевою интрижкой прикрыв Мою любовь святую к донье Кларе, Тихоне и молчальнице моей. Тот победил, кто обошел опасность.

Входит оруженосец короля.

Оруженосец Дон Гарцерам!

Гарцерам Роберто? Что случилось?

Оруженосец

Король велел мне заглянуть сюда: Узнать, не здесь ли вы и эти трое...

Гарцерам

А где ж нам быть еще? Ведь приказал он... Ах, понимаю! Он хотел проверить, Я с нею или нет... Так ты ответь, Что девушка осталась в павильоне, А я в саду. И он доволен будет.

Оруженосец Смотрите! Их величество...

Входит король.

Король

Ну, друг,

Ты здесь еще?

Гарцерам

Вы сами повелели, Чтоб только с наступленьем темноты...

Король

Мне кажется, что было бы разумней Их вывести еще при свете дня. Ведь ты не трус.

Гарцерам

Вы верите, надеюсь... Король

Я верю в то, что чтишь ты короля И не обидишь тех, к кому он добр. Поэтому идите тотчас... Кстати, Здорова ль подопечная твоя?

Гарцерам

Сначала были слезы без предела, Но, как известно, время — лучший врач. Как только первый миновал испуг, Вновь возвратились живость и веселье: Залюбовалась утварью роскошной, Затем дивилась на парчу обоев,

Оценивала занавесей шелк И, наконец, утешилась как будто.

Король

А что, она по дому не тоскует?

Гарцерам

И да и нет. Ответить не берусь: Ведь легкомыслие не любит грусти.

Король

А как она любезности встречает? Ведь, полагаю, ты не скуп на них.

Гарцерам

Совсем недурно, государь.

Король

Ты лжешь!.. А ведь по сути дела ты — счастливец! Паришь, как птица, среди родных зефиров И, ягоду заметив, к ней слетаешь, И не опустишь глаз под взором женским. А я — король. Слова мои страшат. Но сам бы я, наверно, оробел, Наедине с красоткою оставшись. Как приступить? Ты б просветил меня Ведь я же новичок, большой ребенок, Не искушенный в этаких делах. Со вздохов, что ли, начинать?

Гарцерам

Да что вы!

Нет, это устарело, государь!

Король

Тогда, быть может, делать томный в. юр, Как гусаку, ждaть отклика гусыш:?. Иль я неправ?.. Потом берется лютия, Поется на балконе серенада, Меж тем как бледноликая луна

Тебе в затылок смотрит, точно сводня. Во мгле шуршат дурманные цветы. И вот она-заветная минута: Отец иль брат, иль даже сам супруг Покинул дом, и верная дуэнья Знак подает: таинственное «тсс!..» И — в доме ты. Горячая рука Берет твою. Ведет по галереям, Которые темны, как склеп могильный, А бесконечность их растит желанье. И ты идешь, пока в лицо тебе Вдруг не пахнет пьянящий запах амбры И слабое мерцание сквозь щель Не возвестит заветной цели близость. Ты дверь открыл. Светла, в свечей сиянье, Она — на черном бархате тахты. И на руку, увитую камнями, Склонилась голова твоей желанной И золотые волосы ее... Нет! Черные, как смоль, — скажу я лучше! Черней, чем цвет вороньего крыла! Итак, как видишь, милый Гарцерам, Твой ученик не так уж непонятлив. И что мне в том, она христовой веры, Дочь мавра иль еврея? Все равно!

Гарцерам

Пожалуй, мавританки — грех не страшный. Зато еврейки...

Король

Экий привереда! Да я готов побиться об заклад, Что если б та девчонка в павильоне Тебя хотя бы взглядом подарила, Ты вспыхнул бы, как хворост от огня. Я сам не бог весть как люблю евреев, Но думаю, что в нравственных уродствах Того народа мы повинны сами. Мы им надели на ноги колодки, А их же обвиняем в хромоте!

К тому же есть какое-то величье В наследниках библейских пастухов. Мы дети новых лет, а

их истоки Восходят к колыбели мироздания, Когда господь еще как человек Один бродил по елисейским кущам И ангелы слетали к патриарху, А суд и право бог один вершил. О мир легенд, в котором столько правды, В котором Авель Каином убит И торжествует мудрая Ребекка, Иаков домогается Рахили... Да, кстати, как ту девушку зовут?

Гарцерам Не знаю, государь.

Король

Ну, бог с ней... Дале — Был Артаксеркс, который поднял посох Над головой жены своей Эсфири, Еврейки, что спасла родной народ. Вот так христианин и мусульманин — Суть все того же древа ответвления, Корнями уходящего к евреям, Старейшему из всех земных племен. А мы-то все стремимся доказать, Что будто бы во всем их превосходим! И коль они, как некогда Исав, Себя лишили права первородства, То мы ведь ежедневно, ежечасно Грехами и проступками своими Спасителя безбожно распинаем. А те его распяли только раз... Ну что ж, идем! Нет, впрочем, ты останься. Проводишь их и дом их заметишь. И, может быть, делами утомленный, Я к ним зайду однажды, и отрадно Мне будет видеть благодарность их.

(Собирается уходить, но слышит шум в доме и останавливается.) Что там случилось?

Гарцерам

В доме шум. Видать, Они спешат тотчас же опровергнуть Твой благосклонный отзыв.

Король

Что за спор?

Из павильона выходит Исаак. Исаак

(обращаясь к тем, кто находится в павильоне) Вы рисковать хотите? Оставайтесь! Вы только что едва избегли смерти, А я хочу спастись.

Король

Что с ним? Спросите!

Гарцерам Скажи, почтенный, кто тебя обидел?

Исаак

(Гарцераму) Ах, это вы, наш добрый попечитель! Моя Рахель помешана на вас. Вы нравитесь ей очень...

Король

Это что? Гарцерам

Не все ль равно?.. Ты лучше объясни мне: в чем причина, Из-за чего шумят там наверху?

Исаак

(вверх, к окну) Вот погодите! Я задам вам трепку!

(Гарцераму.) Вы сами утром видели, сеньор, Что с ней творилось: как она металась,

Как била в грудь себя, стенала долго В полубезумье. Что там говорить! Но лишь успел

улечься первый страх, Как к ней вернулись прежние капризы: Смеется, пляшет, песенки поет И утвари касается запретной. Вы слышите, какой стоит там грохот? Висят у ней на поясе ключи — И вот она ко всем шкафам подходит, Которые у вас стоят вдоль стен, Распахивает их, а там висят Различные одежды и наряды: Плащ сатаны и ангельские крылья, Монарха бархат, нищего лохмотья И прочее...

Король

(тихо Гарцерану) От масленицы прошлой. Исаак

Там выбрала она себе корону, Не золотую, нет, — из желтой жести: Я это сразу угадал по весу — Цена ей двадцать геллеров, не боле, — Надела платье, прицепила шлейф И говорит: «Теперь я королева!»

(К окну.) Вот дурочка какая! А потом, Сняв со стены... портрет... портрет монарха (Да сохранит для нас его господь), Она к своей груди его прижала И назвала супругом.

Король, взволнованный, направляется к павильону.

Гарцеран Господин! Исаак

(оторопев)

О, горе мне!

Король (со ступенек, спокойно)

Я сам не прочь взглянуть. К тому же скоро вам пора домой, Терять ли драгоценные минуты? Пойдем, старик! Опасно одному мне Идти незащищенному туда.

(Уходит в дом.) Исаак

То был король? О боже! Что мне делать? Гарцеран

Иди за ним!

Исаак Чтоб он достал свой меч И нас убил на месте?

Гарцеран

Страшусь и я — не за тебя, старик, И не за дочь твою, а за другую...

(Толкает оробевшего Исаака в дверь и сам идет за ним.)

Оба уходят.

Зал в парковом павильоне. В глубине сцены слева и справа двери. Рагель — на голове у нее корона из перьев, на плечах златотканая мантия — выносит кресло из правой боковой комнаты. Эстер входит через главные двери.

Рагель

Здесь, в середине, мы поставим кресло. Эстер

Сестра, опомнись, ты в своем уме? Из-за твоих причуд мы все погибнем.

Рагель

Король для нас обставил этот дом. Пока мы здесь, все в этом доме — наше.

(Придвинула кресло к середине сцены. Любуется собой.)

А правда, это платье мне к лицу? Я наклонюсь — и перья вниз склонятся. Лишь одного сейчас здесь не хватает. Повремени. Я принесу... Постой!

(Уходит через боковую дверь.)

Эстер

Ох, если бы мне дома оказаться! И где отец? Его прогнали мы...

Ракель

Вот короля портрет. Сняла я раму И унесу его с собой.

Эстер Опять!

Ведь сколько раз тебе я говорила...

Ракель А я тебя и слушать не хочу.

Эстер

Свидетель бог, — ты так и поступаешь. Ракель

Ну что ж! Так будет и на этот раз. Портрет мне нравится. Как он прекрасен! Взгляни сама. Я в комнате своей Его повешу около кровати, Чтоб вечером и утром на него Смотреть могла я и мечтать о том, О чем мечтаешь, скинув тяжесть платья. От всяких уз свободу ощутив. Но чтобы кто-то не подумал вдруг, Что я портрет похитила бесстыдно — Богата я, зачем мне воровать? — Поступим так... Ты носишь медальон С моим портретом? Дай его сюда, Его мы вместо этого повесим, Чтобы король не забывал меня И мне в глаза глядел, как я — ему.

Придвинь скамейку: я ведь — королева, А этого красавца — короля, Пожалуй, мы пришили к спинке кресла. Слыхала я, в любовной ворожке Из воска изготовленное сердце Иглою острой ведьмы протыкают, Чтоб непосильной, нестерпимой болью Живое чье-то сердце изошло.

(Четырьмя булавками прикрепляет портрет к креслу.) О, если б каждый из моих уколов До крови ранил, я бы эту кровь Пила с восторгом жадными губами И в тайном упоенье наслаждалась Жестокой мукой, причиненной мною. Молчаливы вы, прекрасны и безмолвны. Я с вами говорю как королева, Недаром эта мантия на мне.

(Садится на скамейку перед портретом.) Бессовестный! Святым не притворяйтесь. Я все уловки ваши поняла. Я знаю: вам понравилась еврейка! А что ж, — она и вправду хороша. Я вам клянусь, что красотой, пожалуй, Она со мной одной сравниться может.

Входит король, сопровождаемый Гарцераном и Исааком, становится позади кресла и, облокотившись на спинку кресла, смотрит на Ракель. Ракель продолжает.

Я, ваша королева, не желаю Терпеть притворства. Знайте, я ревнива! Молчание вину приумножает. Признайтесь же: вам нравится она? Да или нет? Скажите «да».

Король

О, да!

Ракель вскакивает, смотрит сперва на портрет, затем замечает короля; она узнает его и остается неподвижной на скамейке.

(Выходит вперед.)

Перепугалась? Ты того хотела, И я сказал. Но не тревожься. Здесь Ты в безопасности.

(Протягивает ей руку.)

Она поднимается со скамейки и идет к правой двери, где останавливается, тяжело дыша, с опущенной низко головой.

Она робка? Эстер

Не столь она робка, сколь боязлива.

Король Так я, выходит, страшен непомерно?

(Приближается к ней.) Ракель решительно качает головой.

Когда приди в себя, мое дитя. Ты нравишься мне — повторю еще раз. И если с этой праведной войны, Куда зовут нас честь и долг священный, Я возвращусь в Толедо, может быть, Я захочу услышать о тебе. Где вы живете?

Исаак (живо)

В доме Бен-Маттая, Что на Еврейской улице, сеньор.

Эстер

Конечно, если не прогонят нас До этого...

Король

Вам слово короля Защитой будет! Ибо я умею Надежно защищать того, кто слаб. И коль поразговорчивей ты станешь И весела, как давеча с твоими, И не такой пугливой, как сейчас,

С тобою я охотно поболтаю

И отдохну от суеты дворцовой.

Теперь идите: самая пора.

Ты, Гарцеран, проводишь их, но прежде -

Поди, повесь портрет.

Ракель (подбегая к креслу)

О нет! Он мой! Король Поставь его обратно в раму.

Ракель (Гарцерану)

Нет!

Не тронь моих булавок и портрета, Не то покрепче приколю его!

(Заносит иголку над портретом.) Вот, прямо в сердце!

Король Ради неба! Стой! Кто ты такая, девочка? Скажи. Ужель искусством тайным ты владеешь? Мне кажется, я чувствую и впрямь Укол твоей иглы.

Эстер Нет, государь! Она девчонка, просто баловница, Откуда знать ей тайное искусство? Пришла ей глупость в голову — и все.

Король

Играешь ты опасными вещами! Из-за твоей игры мне кровь в глаза Внезапно бросилась, и вижу все, Как сквозь бумагу.

(Гарцерану.)

Скажи, она красива?

Гарцеран

Да, государь!

Король

Как все вокруг меня Кипит, искрится...

Ракель между тем сняла портрет и свернула его в трубку.

Ракель

(к Эстер) О нет! Его возьму я...

Король

Бог с тобой! Пускай тебе он служит талисманом. Теперь пора! Спешите! Гарцеран, Ты их окольной выведешь дорогой. Народ взволнован. И, как слабый, любит Он слабость на слабейшем вымещать.

Гарцеран

(подойдя к окну)

Король, взгляните! К нам идет весь двор И королева...

Король

К нам идут? Клянусь, Мне были бы противны пересуды Дворцовой черни...

Гарцеран (указывая на боковую дверь)

Может быть, — сюда?

Король

В уме ли ты? Негоже мне скрываться От слуг моих. Но одного боюсь: Страданий королевы, чтоб она Не поняла того, что сам я понял. Ну что ж! Беги, растерянный монарх, Спасай свое смущенное величие!

А ты — смотри! Как только сможешь, тотчас

Их выведи.

(Уходит в боковую дверь)

Эстер

О, вот он, путь несчастий!

Входит королева, сопровождаемая графом де Лара и свитой.

Королева Я слышала: король здесь, наверху.

Гарцерам Он был, но удалился.

Королева

Здесь — еврейка? Манрике

Смотрите! Да она — само безумство! Как вырядилась! В платье маскарадном. Сними корону!
Разве смеешь ты Ее носить, хотя бы ради шутки? Прочь мантию!

Эстер снимает с нее корону и мантию.

Что у тебя в руке?

Ракель

Мое богатство!

Манрике Это мы проверим... Эстер

Не так бедны мы, добрый господин, Чтоб посягать на что-нибудь чужое...

Манрике

(подходя к боковой двери) Осмотрим эту комнату сперва И убедимся, все ли там на месте.

Иль алчность в сочетании с бесстыдством И там успела навредить?

Гарцерам

(заступая ему дорогу) Отец, нельзя! Я должен крикнуть: «стой!»

Манрике Ты что, не узнаешь меня?

Гарцерам

Нет, что вы! Но существует долг, перед которым Правам отца не стыдно отступить.

Манрике

В глаза гляди! Не можешь? Черный день, Двух сыновей меня лишил он сразу...

(Королеве.) Я думаю, вам надобно уйти.

Королева Хотела бы — да не могу.

(Гарцераму.)

Сеньор,

Не рыцарскую службу вы несете, Но вас за верность я благодарю. Ведь это для меня страшнее смерти, Но с детства я обучена страдать. И если вам случайно приведется До вечера увидеть короля, — Скажите, — я уехала в Толедо. Королева вместе со свитой уходит.
Гарцерам

И в этот самый злополучный день Я должен был с границы возвратиться!

Ракель

(к склонившейся над ней Эстер) Нет, я бы не ушла, пускай хоть смерть!

Эстер

(Г арцерану) Домой нас проводите, наконец.

Гарцеран Я должен короля спросить об этом.

(Стуча в боковую дверь.) Мой господин! Что с вами? Вы молчите? Стряслась беда...
Придется дверь взломать...

Король выходит из боковой двери и направляется к авансцене, в то время как все остальные подаются назад.

Король

Вот вам цена и славе и почету. Увы! Не гладок путь, ведущий к ним. Он, что канат базарного жонглера — Неверный шаг — и рухнешь с высоты, А пошатнулся — слышишь гогот черни. Ужели я, тот самый, что вчера Примером добродетели считался, Стесняться ныне должен слуг моих? Прощай же, недостойная погоня За тенью добродетели пустой, Себе мы сами выберем дорогу.

(Оборачиваясь.) Вы здесь еще?

Гарцеран Мы приказаний ждем.

Король

О, лучше бы всегда ты ждал приказов И оставался на своей границе. Пример твой заражает,
Гарцеран!

Гарцеран

Властитель справедливый не прощает Равно чужой и собственной вины, Но, самого себя казнить не смея, Он гнев свой обращает на других.

Король Я не таков, мой Гарцеран, не бойся. Но отведи их поскорей отсюда, И навсегда. Что для других забава, То для монарха — тяжкая вина.

(Ракели, приближающейся к нему.) Оставь! И возврати портрет тотчас же. Я так хочу. Не мешкай.

Ракель (к Эстер)

Так идем.

(Подходя к боковой двери.) А медальон с портретом у тебя? Эстер

Зачем тебе он

Ракель Ладно, будь что будет. А там — бог с ним! Хоть не расти трава! Выходят в боковую дверь.

Король

(Гарцерану) Затем вернись обратно на границу, Я за тобой последую, и кровью Презренных мавров смоём мы позор, Что нам обоим поровну достался.

Девушки возвращаются.

Ракель

Исполнено.

Король Так уходи скорей.

Эстер

Сеньор, примите благодарность нашу!

Ракель

Но не мою.

Король Ну что ж, смотри, как знаешь. Тогда без благодарности, иди.

Ракель До времени ее поберегу я.

Король

До времени? Нет, это навсегда.

Ракель

Мне лучше знать.

(К Эстер.) Пошли...

Уходят в сопровождении Гарцеран а, Исаак — низко кланяясь.

Король

И впрямь пора ей

Уйти отсюда. Скука этих стен Рождает в нас потребность развлечений. Но хоть девица эта и прекрасна, Балованна она и своенравна. Быть осторожным разум с ней велит. Алонсо!

Входит слуга. Слуга Мой король!

Король

Готовь коней.

Слуга В Толедо, государь?

Король

Нет, нет, в Аларкос. Мы поспешим к границе, на войну. Возьми лишь то, что надобно в походе. В Толедо мне грозят две пары глаз: Одни воды полны, огня — другие. .

Давно ли эта девушка с моим Портретом расставаться не хотела — Она скорее бы рассталась с жизнью, — #9632; Но стоило мне властно приказать, — Безропотно его мне возвратила. Все это лицедейство — и не боле... А кстати, он на место водворен? Толедо я надолго покидаю, Так пусть же все пребудет неизменным, Чтоб не осталось даже и следа

Того, что здесь сегодня приключилось.

(Выходит в боковую комнату.)

Пауза, во время которой слуга собирает брошенные Ракелью платья, вешает их на руку. Возвращается король, держа медальон с портретом Ракели.

Нет моего портрета! Там висел Ее портрет...

О, как он жжет мне руки!

(Бросает медальон на пол.) Исчезни! Сгинь! Ужели нет предела Для дерзости! Но так не может быть! Пока о ней я думаю с презрением, Ее портрет мне грудь палит огнем. Рассказывают об искусстве тайном, Которым это племя промышляет, И мне сдается — околдован я.

(Слуге.) Послушай, подыми-ка это с пола, И — на коня, и шпорь его, покуда Ты не догонишь...

Слуга

Государь, кого? Король

Кого? Да тех троих, что с Гарцерамом... Отдашь девице это, а взамен...

Слуга

Что, господин?

Слуга не должен видеть! Обмен я совершу собственноручно! Так подыми портрет! Мне прикасаться Не хочется к нему...

Слуга поднял портрет.

Как все нескладно!. Да спрячь скорей за пазухой его! Нет, стой! Зачем ему тепло чужое? Дай мне портрет. Его я спрячу сам. Ну, в путь! Мы их догнать еще успеем. Они уже сейчас на подозренье, А посему — недолго ждать беды: Насилия, а может быть, убийства. Лишь я могу их защитить. В дорогу! И ты — за мной.

(Вглянувшись на портрет, прячет его у себя на груди.)

Скажи-ка, чей там замок Виднеется вдали? Уж не Ретиро ль, Где предок мой дон Санчо укрывался С какой-то мавританкой?

Слуга

Впереди

Тот самый замок.

Король

Бог с ним. Нашим предкам Лишь в мужестве мы следовать должны. Не принимая заблуждений давних Сначала нужно покорить себя, И враг тогда скорей нам покорится. Ретиро — замок тот?.. Но что со мной? Молчи... Но ты не знаешь... Что ж...

Тем лучше.

Вперед! За мной! Поторопи коня! Уходит вместе со слугой.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Сад королевской виллы. Позади — Тахо. На авансцене справа просторная беседка. Слева просители с прошениями в руках. Среди них Исаак.

Исаак

Сказал я вам: здесь нечего шататься. Сюда прибыть изволит дочь моя И он с ней вместе. Кто? Нет, не скажу. Что? Задрожали? Убирайтесь вон! В Толедо все прошения несите!

(Берет у одного из просителей бумагу.) Дай посмотрю. Тьфу, глупость! Прочь ступай!

Проситель

Да ты прошение держишь вверх ногами!

Исаак

Что?! Вверх ногами жалоба твоя, И сам ты — весь наыворот. Иди же!

Второй проситель Не с вами ли встречались мы в Толедо?

Исаак

Я вас не знаю. За последний год Слабеть глазами стал я. .

Второй проситель

Не тревожьтесь, Узнал я сразу этот кошелек, Который вы случайно обронили.

Исаак

Я потерял? Ах, вижу! Мой. Зеленый. И десять там пиастров.

Второй проситель

Что вы? Двадцать! Исаак

Как? Двадцать? Гм... Поправились глаза,

Зато совсем отказывает память.

В бумаге этой, надо полагать,

Все сказано достаточно подробно,

Где и когда нашел ты эту вещь.

Тебе к властям не надо обращаться -

О честности твоей скажу я сам.

Так что же ты? Давай сюда находку!

(Берет у него кошелек.)

Просители протягивают свои прошения. Исаак берет в каждую руку по прошению и бросает на землю.

Что ии писали б вы-один ответ!

(Третьему просителю.)

Ого! Смотри! Какой богатый перстень! А камень — блеск!

Проситель дает ему перстень.

Нет, с угольком, не то, Оставь себе...

(Надевает перстень себе на палец.)

Третий проситель

Да как его оставить, Коль ты его на палец нацепил!

Что? В самом деле! Я и не заметил. Но он так мал, что снять его нельзя.

Третий проситель

Возьми мой перстень, но прими прошение.

Исаак

Ну что ж, возьму на память о тебе И то и это. Пусть король наш взвесит Твой перстень — тьфу ты! — жалобу твою Хоть жалоба твоя и с недостатком. Да что я — нет! не жалоба — кольцо. Ну, вон пошли! Куда девалась палка? Ой, и за что меня заставил бог Возиться с этой швалью христианской! Появляется Гарцеран.

Гарцеран А, в добрый час! Ну, как идут дела? Боюсь, вы слишком высоко взлетели — Еще сорветесь с этой высоты.

Исаак

Известна тайна мне да королю. Его здесь нет. Он быть здесь не желает, Но всякому, кто вздумает мешать Его занятиям, в том числе и вам, Я прикажу: проваливай отсюда! Да поживее!

Гарцеран Вы искали палку, Когда найдете, дайте мне ее. Мне кажется, о ней скучает ваша Спина гораздо больше, чем рука.

Исаак

Ну вот! Уже он начал кипятиться!

Ах, все вы христиане таковы.

Все напрямик! А где предосторожность.

Где разум, где уменье выждать? Король не зря беседует со мной.

Гарцерам

Порой к беседам нас склоняет скука, Когда бежим мы от самих себя.

Исаак

Он говорит со мной о государстве, А чаще — о финансовых делах.

Гарцерам

Так это, может быть, от вас исходит Отныне установленный порядок, При коем песо стоит два гроша?

Исаак

О друг мой, деньги в мире — это все, Враг пригрозит, вы купите оружие. Солдат-наемник получает плату. Вы пьете деньги, вы едите их, Все куплено. А купля — те же деньги. Да разве человек и сам не вексель, Который в некий срок погасит смерть? Я — королю советчик. Коль угодно Вам быть со мною заодно...

Гарцерам

Мне — с вами? Проклятие! Нелепый случай вверх Меня в круговорот безумный этот, Что испытует долг мой и присягу.

Исаак

Король к моей девчурке с каждым днем Все ласковее и добрее...

Гарцерам

Если б

Король наш годы юности провел, Как сверстники его, в забавах буйных... Но вырос он среди мужей суровых,

Познал плоды премудрости до срока И даже брак был сделкой для него. И стоило сегодня в первый раз Ему увидеть женщину живую, Как безрассудство тотчас поспешило Питомцу трезвой мудрости отмстить. Ведь женщина, лишённая присущих Ей слабостей, не женщина еще, Скорей полумужчина. Но зато В причудах женских — женщина прекрасна. Вот так и здесь. Причуды победили. Игру за правду принимает он. Но продолжаться доле так не может. Враг у границ, и королевский долг — Спешить к войскам. Я провожу его, Порву силки, расставленные вами!

Исаак

Попробуйте, но если вы не с нами, То против нас. Не перепрыгнуть бездны, Скорее шею сломите на том!

Слышны флейты.

Вы слышите? Под гром литавр и труб Он с ней идет, как Артаксеркс с Эсфирью, Прославившей когда-то наш народ.

Гарцерам

Ужель в безумной прихоти монарха Свой прежний облик должен я узнать И самого себя в нем устыдиться?

На реке появляется лодка. В ней король, Рабель и свита.

Причаливают.

Король Причаливайте! Вот беседка. Здесь... Рабель

Кренится челн! Скорей остановитесь! Король прыгнул на берег.

Мне по такой дощечке не пройти.,

Дай руку.

Рабель Нет, кружится голова.

Гарцерам

(про себя) Кружится голова твоя? Еще бы!

Король

(проводя ее на берег) Ну, переход великий завершен!

Рабель

Я больше ни за что не сяду в лодку!

(Схватывая короля за руку.) Сеньор, я так слаба, я в лихорадке...

Король

Страх-право женщин. Но едва ли стоит Им злоупотреблять...

Рабель

Но вы меня Лишаете поддержки бессердечно. Ведь не песком, а острыми камнями Засыпаны аллеи в этом парке, Как будто бы рассчитаны они На сапоги, а не на легкий туфель.

Король

Так что ж — ковер нам, что ли, расстелить? Рабель

Я вижу все. Я становлюсь вам в тягость. Была б моя сестра... Я так устала! Как? Здесь подушки эти?

(Нетерпеливо разбрасывает лежащие в беседке подушки.)

Нет, нет, нет!

Король (смеясь)

Ну вот, усталость, кажется, проходит.

(Заметив Гарцерама.) А, Гарцерам! Взгляни: она — дитя!

Гарцерам Дитя... К тому ж — балованное очень.

Король Как все они. Капризы ей к лицу.

Гарцерам Тут — дело вкуса.

• Король

Видишь, Гарцеран, Я сознаю, что я неправ во многом, Но знаю также: нужен лишь кивок,
Лишь дуновенье легкое, чтоб разом Весь этот с он мой обернуть в ничто. Поэтому себе я
дозволяю В сумятице, мной созданной, забыться. А как войска?

Гарцеран

Вы знаете об этом: Враг копит силы.

Король

Что ж, и нам пора. Увидишь, друг мой, не пройдет трех дней И я от этих шалостей избавлюсь.
Что ж! Делу — время, а потехе — час.

Гарцеран Упущен час — и не поправить дела. Король

Мы подвигами наверстаем дни,

Все знаю я, о чем вы говорите:

О крови, о пожарах, о войн'!.

А этот под меня подкоп ведет,

Стараясь короля отвлечь отсюда

И увести к войскам, в далекий край,

Стремясь открыть моим врагам дорогу.

И все же вы милы мне, Гарцеран.

Вам ведом путь к сердцам прекрасных женщин.

Идет молва: отважны вы в любви

И веселы, не то что ваш король,

Который даже в миг любовной неги

Суров и мрачен, полон сожаленья

О сказанных им ласковых словах

И чья любовь на ненависть похожа.

Садитесь рядом. Посидим немного.

Украстье одиночество мое...

Вы медлите?

(Плача.) Ах, нет мне утешенья! Я, как в темнице, жить обречена. О, если б вновь мне в дом
отца вернуться! Там все мне служит, все меня желает, А здесь меня презрение гнетет.

Король Ну, подойди к ней.

Гарцеран

Я? На самом деле? Король

Иди, иди.

Ракель

Сюда садитесь. Ближе. Мой Гарцерам, вы настоящий рыцарь На деле, а не только на словах, Как эти горделивые кастильцы, Одетые в железо до зубов,

Хваленое свое великолепье Они у мавров рабски переняли, — Но то, что там изящно от природы, Здесь выглядит уродливым и грубым... Так дайте руку. Как она мягка, А держит меч не хуже самых твердых! К тому ж у женщин вы желанный гость, Известны вам секреты обхожденья. Ведь этот перстень — он от доньи Клары? Боюсь, не слишком ли она бледна Для полнокровной и горячей страсти: Спасибо, стыд порою выручает, Подкрашивая белое лицо. Однако здесь я вижу много перстней. Так сколько же возлюбленных у вас?

Гарцерам

А если ваш вопрос я вам направлю?

Ракель

О нет. Я не любила никогда, Хотя могла бы полюбить навеки, Коль встретила бы равное безумье В другой груди, безумье, что могло бы Меня, как половодье, захватить. Пока ж я лишь уныло выполняю Обряд, угодный идола любви, — Как молятся чужим богам, без веры.

Король

(ходит во время этой беседы взад и вперед, затем, стоя на авансцене, вполголоса к слуге) Копье и латы принеси сюда И жди меня поодаль от беседки. Отправимся в войска. Там я нужней. Слуга уходит.

Ракель Вы только поглядите на него! Вот — ваш король. Он думает, что любит, А между тем я с вами говорю,

Жму руку вам, но этим он нимало Не огорчен. Расчетливый хозяин, Он трезво завершает труд дневной, Самодовольно подводя итоги. Идите! Вы такой, как он, как все другие! Была бы здесь моя сестра! Она Мудрей меня. Но если только искра Решимости ей в сердце западет, Каким оно тогда пожаром вспыхнет! Родись мужчиной, быть бы ей героем. Вы все бы преклонились перед ней... Посплю, куда не придет она. Ведь я сама лишь сон ночной-не боле...

(Склоняет голову на руку, а руку кладет на подушку.)

Гарцерам

(приближается к королю, который остановился и смотрит

на Ракель)

Мой государь!

Король (не отрывая взгляда от Ракели) Что?

Гарцерам

На границу в полк

Я возвращусь.

Король (в том же забытье)

Что? Полк ушел с границы?

Гарцерам

Вы, государь, не поняли меня. Я сам хочу вернуться в полк.

Король

Вернуться,

Чтоб сплетничать...

Гарцерам О чем?

О том, что здесь.

Гарцерам О том, что здесь? Но я не понимаю!

Король Ты веришь в чудеса?

Гарцерам

С недавних пор. Король

С недавних?

Гарцерам

Знаю, чтим мы то, что любим, И любим то, что чтим.

Но никогда любовь с презреньем не соединима.

Король

Презренье — это сказано жестоко. Скорей — неуваженье. Все равно, Случилось чудо...

Гарцерам

Чудо, государь, Да только устаревшее немного — Оно к тому еще восходит дню, Когда в Эдеме из ребра мужчины Творец впервые женщину создал.

Король

Да. Но потом он грудь ему заштопал, Охрану сердца воле поручив... К войскам поедешь не один — со мною.

Ракель

(поднимаясь) В убежище мое проникло солнце. Кто мне поможет укрепить навес?

(Смотрит направо на сцену.)

А! Там я вижу двух оруженосцев. Сюда! Иль вы не слышите? Скорей!

Приближаются королевский слуга и другой оруженосец. У первого в руках шлем и панцирь, у

второго — копье и щит.

Воткни-ка в землю, друг, свое копье, Чтоб поддержать навес: здесь мало тени. Ну? Понял? Благодарствую... А ты Улитку чем-то мне напоминаешь, Несущую свой домик на спине. Но для себя ль ты тащишь домик этот? Поддай-ка щит мне! Зеркало — и только! Хоть грубое, как все здесь во дворце, Но может послужить на крайний случай.

Слуга держит перед ней щит, как зеркало.

Теперь прическу приведем в порядок, Взлохмаченные кудри обуздаем И вознесем всевышнему хвалу За то, что сотворил нас так искусно. А вот и шлем! Едва ли для войны Он годен, ибо скрыты под забралом Горящие отвагою глаза, Что сами по себе — залог победы, Но шлем полезен для любовной распри. Наденьте мне его! Ой, осторожней! Лишь вздумает мой милый возгордиться, Я опущу забрало, и во мраке

(опускает забрало)

Останется обидчик. Если ж вдруг Возлюбленный побег замыслит втайне, — Тогда — забрало вверх!

(Поднимает забрало.)

Да будет свет!

Король

(приближаясь к ней) О простодушно-мудрое дитя, Как дороги душе твои забавы!

Ракель Назад! Не подходите! Где копье? Король

Ну, спрячь оружие. Зла тебе не будет.

{Берет ее за руку.} Слева появляется Эстер.

Ракель А! Ты, сестренка? Я тебя ждала. Скорей! Снимите шлем с меня... ловчее Со шлемом головы мне не снимите!

(Спешит навстречу Эстер.) Сестрица, здравствуй! О, как я скучала Ты принесла браслеты мне и пряжки, И притиранья те, что я просила Вчера в Толедо для меня купить?

Эсте р

Я принесла их с грустными вестями, С такими украшениями, от коих, Как от удара, никнет голова. Мой государь! Сегодня королева, Толедо бросив, удалилась в замок, Где мы на горе повстречались с вами.

(Гарцерану.) А с нею ваш родитель благородный — Манрике, граф де Лара. Говорят, Он кличет государственных мужей В столицу для особого решения, Как если б опустел кастильский трон И вы почили, наш король высокий!

Король

Ты, видно, бредишь?

Эстер

Нет, мой государь. Страшусь я за сестру мою — и только. Ей угрожают. Первой жертвой мести Падет она...

Ракель О горе, горе мне! Не я ли вас так часто умоляла, Со мной простясь, вернуться ко двору И заговор врагов моих разрушить. А вы остались! Вот оружие ваше, Вот латы, шлем и длинное копье. Я снаряжу вас, соберу в дорогу. Нет, не могу...

Король

(к Эстер) Ты только позаботься Об этой сумасбродке, что себе Противоречит каждую минуту, А мне пора и вправду во дворец. С незащищенной грудью, без меча Я появлюсь среди моих вассалов И вопрошу их: кто затеял смуту? Пусть ведают, что жив их господин, Что вечером не умирает солнце, Что на заре оно восходит вновь! Так, Гарцерам. За мною!

Гарцерам

Я готов!

Эстер

Но, государь, скажи, что будет с нами? Ракель

Останьтесь!

Король

Этот замок укреплен, А кастелян вас защитить сумеет. Я знаю: я во многом виноват, Но тот, кто, испросив моей защиты, Невольно разделил мою вину, Не должен быть за короля в ответе! За мною, Гарцерам! Нет, впрочем, лучше Иди вперед. Ведь если б я застал

Вельмож, не мною созванных в столицу, Я должен был бы всех их покарать, Но этого мне, право, не хотелось. Добром им посоветуй разойтись — И спор закончен. А отцу скажи: Он был моей защитой в годы детства, А ныне сам я трон свой отстою! Идем! А вы — прощайте!

Ракель (приближаясь к нему)

Повелитель!

Король

Оставь меня! Сейчас нужна мне сила. Я не могу ослабить дух прощаньем. Я дам вам знать, когда исполню долг. Еще в ночи грядущее сокрыто, Что бог сулит — не ведает никто, Но вам защитой — слово короля! Иди, мой друг! Господь вас не оставит.

Король с Гарцерамом уходят.

Ракель

Не любит он меня! Я это знала!

Эстер

Сестра! Что толку в запоздалом знанье, Коль прежде умудряет нас беда? Ведь я тебя не раз предупреждала...

Ракель

Он был вначале так горяч, так нежен. Эстер

Теперь он студит свой поспешный пыл. Ракель

Но что со мною будет? Чем придется Платить мне за доверчивость мою? Бежим отсюда!

Эстер Улицы закрыты — Все нынче возмутилось против нас.

Ракель

Итак, я умереть должна! О боже! Но я ведь молода и жить хочу! Пускай не жить, но умереть мгновенно, — Меня страшат лишь ожиданья смерти.

(Бросается на шею к Эстер.) Как я несчастна! Избавленья нет!

(После паузы, всхлипывая.) Скажи мне: то кольцо — из аметистов, Что принесла ты?

Эстер

Да. И жемчуг тоже Купила я. Он светел, как твои Слезинки...

Ракель

Не хочу глядеть на бусы. Быть может, позже, в долгом заточенье, Я их надену, чтоб тоску рассеять, И обновлю их перед самой смертью... Но погляди-ка кто идет сюда? Ха-ха! Ха-ха! Там в панцире отец!

Входит Исаак. На голове его шлем, из-под длинного кафтана виднеется панцирь.

Исаак

Да, это я — родитель непутевых, Балованных девчонок, тех, что век Отцу родному подло сокращают! Я — в панцире! Ну да! А как иначе? Что — разве мне убийца не грозит? Ладонью, что ль, прикрыться от кинжала? Один удар — и человек готов! К тому ж мой панцирь векселья скрывает. Зарою деньги — и спасусь от смерти.

Что ж, смейтесь! Я проклятьем патриарха,

Который звался тоже Исаак,

Вас проклянупу, злосчастные созданья!

Все первородство продано давно!

Я о себе заботиться обязан.

До вас мне дела нет. Но что там? Чу!

Ракель Что там за шум?

Эстер Там поднимают мост! Ракель

Конец... покинул замок наш король. Ушел от нас. Вернется ли обратно? Боюсь, что нет. Я худшего боюсь.

(Опуская голову на грудь Эстер.) О господи! Я так его любила!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Зал во дворце. На авансцене справа трою. Налево в ряд стулья, на них сидят восемь или десять кастильских грандов Ближайший к престолу Манрике де Л а р а.# Он стоит.

Маярике

Итак, мы собрались в глубокой скорби. Немного нас: был слишком кратким срок, Чтобы созвать всех грандов королевства. Со временем другие подоспеют, — Пока ж должны признать мы правомочным Совет наш, ибо тяжкая беда Не терпит хоть малейшей проволоочки. Однако среди нас сегодня нет Того, чьим повеленьем высочайшим Совет наш собирается всегда. Вот почему мы с самого начала Наделены лишь половиной власти. И, памятуя это, я посмел Просить низжайше нашу королеву Возглавить нас, хоть тяжелей, чем нам, Покажется ей суть беседы этой. Зато и мы не будем без опеки Монаршей, и в крамольном своевольстве Никто нас не посмеет упрекнуть. Боюсь, к печали нашей, всем известна Причина, нас приведшая сюда. Случилось, что король, наш повелитель, Король, которому не сыщешь равных Во всех томах истории испанской...

Узнайте же: король покинул двор, Поддавшись чарам женщины коварной! И хоть не нам быть судьями ему, Мы не согласны доле...

Королева!

Королева в сопровождении доньи Клары и нескольких дам входит с правой стороны. Вельможи поднимаются с мест; она движением руки просит их вновь занять свои места и садится

на престол.

Мне продолжать?

Королева

Прошу вас.

М а н р и к е

Повторяю: И хоть не нам быть судьями ему,

Мы не согласны доле с тем мириться.

К границам нашим подступают мавры,

И право короля — нет, долг священный! -

Народное возглавить ополченье

И старые наемные полки.

А короля все нет. Но я уверен,

Что он придет — хотя бы покарать

За этот самовольный наш совет.

Однако, если главная причина,

Та, что его от трона отвела,

Останется, он тут же возвратится

В свой добровольный и позорный плен

И нас предаст постылому сиротству.

По нраву ль вам подобная судьба?

Королева делает ему знак продолжать.

А если нет, — гоните прочь блудницу! Три способа нам ныне предлагают На выбор. Вот один: купить еврейку. Второй: ее арестовать и выслать. Но золото и государь имеет И высочайшим правом обладает

Домой из дальней ссылки возвращать. Однако есть последний, третий способ.

Королева встает.

О королева! Слишком незлобивы, Мяжки вы слишком и добры чрезмерно Для нашего крутого ремесла. И, может быть, вот эта ваша мягкость Способствовала также отчуждёнью Монарха... Я не осуждаю вас, Но это так. Поэтому не смеем Вас вынуждать высказываться здесь. Но если только будет вам угодно Нас осчастливить августейшим словом, Мы все — вниманье. Так скажите нам, Какою лаской покарать злодейку, Какою лучезарную судьбу Ей изготовить вы хотите?.

Королева

(тихо)

Смерть.

М а н р и к е Возможно ль?

Королева

(тверже) Смерть.

Манрике

Вы слышали, вельможи? Вот третий способ, тот, что я, мужчина, Доселе не решался огласить.

Королева

О, разве брак — не высшая святыня, Которая запретное возводит В угодный богу нравственный закон, А тяжкий грех в святую добродетель? Все прочие господние заветы

Лишь укрепляют добрые начала. Какой же силой должен обладать Завет, который очищает грех? Но, прежде чем вы свой укор суровый На моего супруга обратите, Вы знать должны, что я сама виновна. Я грешница великая, наш сын — Бастард, зачатый в прелюбодеянье, Несчастье трона и позор семьи. И если вы признаете меня Достойной казни, то казните сразу. Мне в тягость жизнь под бременем вины. Тогда пусть по любви жену возьмет он, Раз не закон им правит, — своеволие, Пусть по любви, но из того же круга, Из круга королевских дочерей! А это что? Откуда эта нечисть? Грязнейшее из всех земных существ! Очистите страну и государя! Мне стыдно это говорить мужчинам, Мне даже не по сану эта речь, Но мне пути другого не дано!

Манрике

Но как король перенесет потерю?

Королева

Перенесет. Обязан, значит, сможет. К тому ж его должна утешить месть Ее убийцам. Первый гнев настигнет И поразит меня, вот эту грудь.

(Садится.)

Манрике Я признаю: нет выхода иного. Мы на войне сынов теряем лучших, Они в безмерных муках умирают: От жажды, под копытами коней. Что перед этим смерть на эшафоте? Болезнь уносит и седых и юных: Так нам ли убояться, что порядок,

Извечно установленный всевышним,

Однажды будет нами применен

Для наказанья гнусного порока?

Падем к стопам монарха, умоляя,

Чтоб он причину распри сам отринул.

Но если он «а это не решится,-

Не миловать! — пусть кровь решает спор,

Покуда снова не соединятся

Закон и власть, которым мы привыкли,

Как существу единому, служить.

Входит слуга.

Слуга

Дон Гарцера!

Манрике

Как он посмел? Предатель!

Скажи ему...

Слуга

Он — вестник короля.

Манрике

Тогда просить. Будь он мой враг заклятый, И то я весь бы обратился в слух, Когда король гласит его устами.

Входит Гарцера.

Что ж. Говорите. И — спасай вас бог.

Гарцера

Высокая владицица и вы,

Отец мой, вы, державные сеньоры,-

Как никогда, я ныне сознаю

Святую цену вашего доверья,

Меж тем как легкомыслие мое

И без вины является виною:

Один неверный шаг влечет другой.

Я был прощен, но вновь прошу прощенья,

Надеясь верной службой искупить

Неосторожной юности проступок.

М а н р и к е

Об этом позже...

Гарцера

Я уполномочен Монаршей властью распустить совет.

М а н р и к е

И вам король не дал письма, бумаги, Скрепленной высочайшею печатью? Доверился столь юному гонцу?

Гарцера

Он сам сюда прибудет вслед за мною.

М а н р и к е

Я повинуюсь. Именем монарха Совет я закрываю. Вы свободны. Но не гнушайтесь словом старика: Не расходитесь по домам, а ждите Поблизости, пока не станет ясным: Король сместит нас или мы — его?

(Гарцера.) А если вы, удачливый слуга, Притом еще и опытный лазутчик, То можете немедля сообщить Все то, что здесь сейчас сказал я грандам Совет распущен, но не устранен!

Гарцера

Дон Манрике! Перед лицом совета Я отрицаю ваше обвиненье. Случайно я с границы возвратился, Случайно королем я был увиден И выбран им, чтоб охранять еврейку От гнева взбудораженной толпы. И все, что только в силах человека, Я сделал, чтоб монарха образумить. Однако — безуспешно. Презирайте Меня, когда неправду я сказал.

И, донья Клара, вы, о донья Клара, Та, что судьбой назначена мне в жены, Не прячьте благородного лица! Пусть вашей красоты я недостоин, Но менее достойным я не стал! Как перед богом — говорю всю правду.

М а н р и к е

Коль то не ложь и вы душой — мужчина, Кастильцем будьте и примкните к нам И с нами вместе станьте за отчизну! В том замке, именуемом Ретино, В лицо вас знает каждый часовой, Нам это может очень пригодиться, Коль не прозреет вовремя монарх.

Гарцерам Нет, нет! Ни шагу против короля! Манрике

Вам — выбирать. Ну что ж. Оставайтесь с ними. С левой стороны сцены входит слуга. Слуга

Его величество король Кастильский! Манрике

(вельможам, указывая на среднюю дверь) Скорей сюда!

(Слугам.) Вдоль стен расставьте кресла, Как будто здесь и не было людей.

Королева

(спускаясь с трона) Дрожат колени... Я совсем одна. Манрике

Встарь жили в дружбе добрый нрав и сила, Но дружбу эту распря погасила. У юных — сила: сильный, он и прав, А старикам остался добрый нрав.

Вот вам рука. Клянусь-она нужна вам. Хоть я и слаб, но верен добрым нравам.

(Уводит королеву в правую дверь.)

Гранды удаляются через среднюю дверь. Слева появляется король, за ним оруженосец.

Король Хромает, говоришь, мой иноходец? Он скор в шагу, но мне не нужен боле. Сведи его в Толедо. Там на славу Он отдохнет от долгого труда. А я намерен вместе с королевой В ее карете показаться людям. Толпа ведь верит лишь тому, что видит, Пусть знает, что отныне между нами Раздор больше нет...:

Оруженосец уходит.

Я здесь один? Ужель никто не выйдет мне навстречу? Немые стены и немая утварь... Но здесь ведь собирався их совет. О господи! Пустые эти кресла Гораздо громче могут говорить, Чем те, что восседали в них недавно. К чему, однако, эти размышленья? Немедля нужно дело исправлять. Пора, начнем. В покои королевы Нелегко путь!. Но он — необходим.

(Приближается к правой боковой двери.) Дверь заперта? Эй, кто там? Отворите! Я — ваш король, нет для меня затворов!

Дверь отворяет камеристка. Кто занер?

Камеристка Королева...

(Видя, что король твердыми шагами направляется к внутренней двери.) И внутренняя ею заперта.

Вы не бойтесь, Я силой не ворвусь. Но доложите, Что я вернулся и зову ее.

Камеристка уходит. Король подходит к трону.

О трон! Ты — высочайшее из кресел! Как быть достойным высоты твоей? Как без твоих ступеней золоченых Нам не утратить истинную меру Величия, отваги и добра?

Входит королева. Король идет ей навстречу с протянутой рукой. Элеонора, здравствуй!

Королева

С возвращением... Король

А руку?

Королева Рада видеть вас. Король

А руку?

Королева (в слезах)

О боже!

Король

Избегаешь, как чумного, — И все же знай: честна моя рука. Там, на войне, куда зовет нас долг, Ее окрасит кровь, но я отмою Все пятна, чтоб опять тебе при встрече Мог чистую я руку протянуть! Но если плоть водой мы омываем, То душу очищаем покаяньем:

Ты — христианка, ведома тебе Раскаянья спасительная сила. Но в нем всегда таится некий страх Перед грехом, готовым совершиться. Вот почему не слово покаянья, А радостное, твердое решенье Тебе я в дар сегодня приношу, А ты его прими без колебаний.

Королева

(протягивая обе руки) Свидетель бог! Я этого хочу.

Король

О нет! Не обе! Правую прошу я. Она от сердца дальше, но зато Ей суждено быть символом согласия, И в этом есть особый, мудрый смысл: Не только чувством, чья обитель — сердце, Но также нашим разумом и волей Должны быть наши клятвы скреплены. Ведь чувство переменчиво, как время, И прочен лишь созревшей мысли плод.

Королева

(протягивая правую руку) И эту... Знай: все существо мое...

Король Рука дрожит...

(Отпуская ее руку.)

О, лучшая из женщин! Поверь, тебе я не желаю зла, Не ласкав я сейчас, но сознаю, Как тяжело я перед тобой виновен.

Королева

Простить легко, понять куда трудней. И как ты мог?. Уму непостижимо!

Король

Еще недавно жили мы, как дети, Какими нас помолвили с тобой, И дальше, дальше детство продолжалось. Но дети подрастали, годы шли, И каждый возраст, каждая ступень В себе таила яд недомоганья, Развития опасную болезнь. Нам словно чей-то голос говорил: Все те же вы и все-таки — другие И жаждете в привычном новизны. Так происходит с нашим

существом — Оно распространяется все шире Вокруг одной, навеки данной сути. Вот так и нам пришлось переболеть: «Нам», говорю я, разумея также, Что и в тебе шел тот же самый рост. Не будем же отныне равнодушны К нас предостерегающему зову! Мы — короли, и жить по-королевски С тобою мы должны, Элеонора! Должны вобрать весь мир с его дарами, Пусть будут нам примером эти пчелы, Что к ночи возвращаются в свой улей, Добычею дневной обогатясь.

Королева Но мне для счастья не нужна разлука.

Король О, будет время, — ты еще поймешь, Что горе это нам пошло на пользу. Однако полно! Прошлое прошло! Я не люблю, чтоб мусор прежних дней Мне преграждал в грядущее дорогу. Себе грехи я отпускаю сам, А ты и так чиста, без отпущенья.

Королева О нет, о нет! Когда б ты знал, супруг, Какие мысли, злее черной ночи, Проникли в сердце робкое мое!

А! Жажда мести? Ёсли так, тем лучше. Теперь поймешь ты, что прощенье — долг. Ведь от греха никто не огражден. Так стоит ли наказывать и мстить?.. Та девушка ни в чем не виновата, Как невиновны женственность и слабость. Всему, что было, — я один виною.

Королева

О, мне одно лишь служит утешеньем! Слыхала я, что мавры и евреи Владеют сатанинским ремеслом, Чтоб знаком, словом, приворотным зельем Смутить, опутать сердце человека И дух его и волю подчинить.

Король

Вас колдовство повсюду окружает, Но в сущности мы сами колдуны. Что далеко, мы приближаем мыслью, А то, что лишь недавно презирали, Вдруг начинаем истово любить, И, среди всех чудес в огромном мире, Мы — самое большое волшебство!

Королева Портрет твой у нее?

Король

Она вернет мне, И я повешу на стену его И напишу потомкам в назиданье: «Вот тот король, что был не так уж плох, Да позабыл свой долг и сан однажды, Но — слава богу! — вновь обрел себя».

Королева Однако сам на шее носишь ты...

Ее портрет? Ты знаешь и об этом?

(Снимает цепочку с портретом и кладет его на стол, стоящий справа на авансцене.)

Так вот он, видишь, я сниму его. Пускай лежит: он не опасен боле, Как после бури отдаленный гром. А девушку велю я отослать И выдать замуж за единовеца.

(Ходит взад и вперед. По временам останавливается.)

Нет. Так нельзя! Их женщины бывают Добры и милостивы, но мужчины — Сплошь торгаши, мошенники, пролазы. Ужель своими алчными руками Коснется некий грязный ростовщик Ее, что королю принадлежала? Да, впрочем, нам-то что? Так иль не так — Мы ни при чем. Пускай решают сами.

Королева А силы хватит у тебя, Альфонсо?

Король (останавливается)

Суди сама. Ее не знаешь ты. Возьми все нам известные пороки: Упрямство, глупость, жалкое тщеславье, Расчетливость, безволие и хитрость, И даже алчность, собери все это — И вот она, как есть, перед тобой. Не колдовство тут, а скорей загадка: Как мне могла понравиться такая? Быть может, это все и недостойно, Но в жизни так бывает иногда.

(Ходит по сцене.)

Королева Нет, мой супруг, поверь мне, не должно быть.

Король

Есть колдовство: его зовут привычкой, Еще неуловимое вначале, Оно затем берет нас крепко в руки, И то, чему душа сопротивлялась, Становится потребностью души, А там, глядишь, и тело привыкает. Цепочку эту я с себя сорвал, Я снял ее, и думаю — навеки... А все-таки и грудь моя и шея Ее уже привыкли ощущать.

(Вздрагивает.) И без нее мне холодно как будто. Придется заменить ее другой: Не стоит изменять привычкам давним... Ну, позабудь!..

И все-таки постыдно, Что вы здесь помышляли отомстить Кровавой мезтью дурочке безвинной!

(Подходя к столу.) Ты только посмотри на этот рот И на глаза, да, на глаза, на очи, На эту удивительную шею — Как мастерски все это создал бог! Пускай она сама, по доброй воле, Себя в превратном свете выставляет, Не станем разрушать творенья божья, Проникшись преклоненьем перед ним.

Королева Не тронь портрета!

Король

Снова те же бредни! Ну что со мной случится, если я Возьму его и поддержку немного?

(Кладет портрет на руку.) Как — изменился? Что, коль ради шутки, Лишь для того, чтоб подразнить тебя, Цепочку эту обовью вокруг шеи

(надевает цепочку)

И вновь повешу страшный медальон? Что, разве я теперь не тот Альфонсо, Который ныне осознал свой грех И прокликает собственную слабость? Ну, полно! Хватит этой чепухи!

(Отходит от стола.)

Королева

Однако...

Король (с диким взглядом) Что? Опять?

Королева

О боже правый! Король

Ах, успокойся, милая жена. Попробуй стать чуть-чуть благоразумней, Не то в сравненье этом проиграешь.

(Показывая на стол, затем на свою грудь.) Та девушка, что там. . не там, а в сердце. Была, конечно, маленькой глупышкой, Но не пыталась выказать себя Умней, чем есть, не прикрывалась богом, Не то что добродетельные жены. У них один лишь козырь: добродетель. Ты грустен — утешенье добродетель, Ты весел — это тоже добродетель, И этой добродетелью постылой Они тебя доводят до греха. Да есть ли в нашем мире добродетель? Пожалуй, существует много разных Достоинств, качеств или преимуществ, Что, может быть, изъянов лишены, Но уж зато скучны неимоверно. Ну что ж... цепочку я с себя сниму...
Постой, Элеонора!.. Как же так? Ты поступила дурно, неразумно. С вассалами подняться на меня!

Ты гневаться была, конечно, вправе, Но что за дело подданным моим! Я, что же, неразумное дитя? Сам, что ли, за себя не отвечаю? Со мной пусть делят тяготы они, Когда я управляю королевством, Но чтобы я, мужчина, муж, отец, Был подотчетен этим господам?! Нет, никогда! И если б я внимал Лишь гневу моему, а не рассудку, Я тотчас возвратился бы назад, Чтоб доказать им всем, что не нуждаюсь В их одобренье, и не им судить, Виновен или нет король Кастильский!

(Выходит на авансцену, топает ногой.) А этот старец, этот дон Манрике, Он что мне — и поныне опекун?

Дон Манрике появляется в средних дверях. Королева, заламывая руки, показывает ему незаметно на короля. Манрике, делая обеими руками успокаивающие движения, скрывается.

Как смеет он предписывать монарху Домашнюю стряпню нравочений! Как заговор он смеет затевать?

(Шагает взад и вперед по сцене.)

Я это все расследую. И если Найду хотя бы признак преступления, Хотя бы тень измены королю, Я стану сам судьей беспощадным. Чем ближе мне окажется преступник, Тем будет наказание страшней! Но нет, не ты, моя Элеонора: Ты — прощена...

Королева во время последних слов тихо удаляется через боковую дверь.

Куда она ушла? Один я здесь посмешищем стою?

(Приближается к правой боковой двери.)

Впусти меня! Дверь заперта? Открой!

(Вышибает дверь ногой.) Придется счастье добывать мне с бою!

(Входит.)

П средних дверях появляются дон Манрике и Гарцера. Гарцера переступает порог.

Манрике Идешь ты с нами?

Гарцера

Но пойми, отец...

Манрике

Другие все давно уже ушли. Да или нет? Ты следуешь за нами?

Гарцеран Иду... Я — с вами!..

Уходят. Дверь затворяется. Пауза. Возвращается король, словно прислушиваясь.

Король

И я один. Покои королевы Покинуты, брошены, пусты. Но, проходя сюда по галерее, Я слышал скрип колес и стук копыт.

Там, во дворе, грузились экипажи...

Ужель один я?.. Гарцеран! Рамиро!

Через левую дверь входит оруженосец.

Что происходит здесь?

Оруженосец

Ваш замок пуст.

Здесь только вы да я.

Король

А королева? Оруженосец

Уехала...

Король Куда? Назад, в Толедо? Оруженосец Не знаю, право. Только господа...

Король Какие господа?

Оруженосец

Те, что здесь были, Они вскочили на своих коней И понеслись... Но вовсе не в Толедо, А, кажется, в обратном направлении, Откуда вы приехали.

Король

В Ретиро! Завесу с глаз долой! Они хотят Убить ее, убить! Коня! Коня!

Оруженосец

Но, государь, по вашему приказу, Ваш конь отпущен...

Король

Взять у Гарцерана!

Оруженосец

Они с собой забрали всех коней — Быть может, даже в поле их угнали. Пусты конюшни так же, как дворец.

Король

А! Вздумали меня опередить? Не быть тому! Веди сюда хоть клячу — Придаст ей крылья птицы мечь моя!.. А вдруг конец? Тогда, о боже, боже, Пошли мне силу, чтоб не как тиран,

Как человек я покарал виновных.,

Ищи коня! Иначе ты предатель, И ты, как все, заплатишь головой, Как все они...

(Останавливаясь

у дверей, резко.)

Как все они! Все вместе!

(Быстро уходит.)

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Зал в замке Ретиро. Одна дверь посередине и две боковые. Всюду следы разрушения. Слева на авансцене опрокинутый туалетный стол. Справа на заднем плане тоже опрокинутый стол, над ним картина, наполовину вырванная из рамы. Посередине комнаты кресло. Темно. Снаружи, за средней стеной, раздаётся шум голосов. Топот и лязг оружия.

Голоса

Эй, хватит!

Торопитесь!

На коней!

Голоса и шум шагов удаляются. Пауза. Затем через боковую дверь справа входит старый Исаак. Его голова покрыта ковром, другой конец которого свешивается, ковер он потом сбрасывает.

Исаак

Они ушли?... Я ничего не слышу...

(Отступая.) Ой, кто там? Никого... Как я успел Спасти́сь от них, когда они, что воры, Обшаривали замок короля? Я на полу лежал, в клубок свернувшись, И эта тряпка крышей мне была. Теперь куда? Я все свои богатства Зарыл заблаговременно в саду. Достану позже, лишь утихнет шум. Да где же дверь? Как улизнуть отсюда? Эстер входит через левую дверь.

Кто здесь? Ой, боже!

Эстер

Это вы, отец? Исаак Что? Ты, Ракель?

Эстер

Ракель — вы говорите? Увы, я только бедная Эстер.

Исаак

Как «только»? Нет, ты — моя единственная дочь, Затем что лучшая.

Эстер Скажи иначе: Я лучшей быть могу затем, что стала Единственной! Старик, иль ты не знаешь О том, что нынче совершилось здесь И на кого обрушилась их ярость?

Исаак

Не знаю, да! И не желаю знать! Ракедь давно в укрытии надежном. Она хитра... О бог моих отцов! За что, скажи, усталого, больного, Замученного жизнью старика Ты через дочерей его караешь?.. Нет, я не верю! Ложь! Не может быть!

(Опускается перед креслом.)

Эстер

Пускай хоть страх тебе прибавит силы, — Но что тебя я страхом попрекаю, Коль из-за мерзкой трусости моей Ужасное свершилось злодеянье! Когда убийцы в замок ворвались И я, проснувшись, бросилась на помощь Туда, к сестре, в покои короля, Один солдат свалил меня на землю, И я сробела, чувств лишилась тут же, Сил не найдя для дела, для борьбы,

Чтоб если не спасти мою сестру, То с ней хотя бы вместе умереть. Когда очнулась я, уж было поздно. Свершилось все: она была мертва. Что оставалось? Кудри рвать, стеная, И женскую трусливость проклинать!

Исаак

Что б ты ни говорила, я не верю. Эстер

Устала я. Подвинь мне стул, старик.

Исаак подвигает кресло.

Как я слаба! Меня не держат ноги. Здесь сяду я и стану молча ждать.

(Садится.) Быть может, кто-нибудь из них вернется: Пора добить оставшихся в живых.

Исаак

(на полу) Нет, не меня! Нет, не меня! О боже! Сюда идут! Спаси меня! Спаси!

(Бежит к ее креслу и садится на корточки.)

Эстер

Как мать, я встану, чтобы защитить Тебя, старик несчастный, впавший в детство. Но ты бездетным встретишь смертный час. Иду вперед я, за сестрою следом.

В средних дверях показывается король с оруженосцем, в руках у которого факел.

Король

Идти мне дальше? Нет! С меня довольно Того, что знаю, хоть и не видал. Разбит мой замок, подло осквернен, Из всех углов я точно слышу крик: Ты опоздал! Ужасное свершилось!

Всему виной медлительность твоя, — Что толку в том, что зла не замышлял ты? Ты плачешь? Слезы не подвластны лжи. Я тоже плачу, но слезами злобы, Из-за того, что не успел отмстить. Сюда, в кольцо, воткни свой факел. Сам же Спешу в деревню, созови крестьян, Вели, вооружившись чем попало, Им здесь собраться в замке у меня. А завтра я по

всей земле кастильской Воззвание к народу разошлю, Скликаю в городах и поселеньях Детей работы, сыновей труда. Я сам их поведу под стягом мести На замки титулованных господ, Вельмож и холуев одновременно, Погрязших в безграничном себялюбье, Посмевших посягнуть на короля! Они — рабы по духу — возомнили, Что смогут и меня поработить! Я отомщу! Я буду беспощаден! Я уничтожу этот наглый сброд, Кичится он своею чистой кровью И кровью той, которую он пролил. Оставь свой факел и ступай скорей! А я один, в тиши, лелеять буду Кровавую и сладостную месть.

Оруженосец втыкает свой факел в кольцо около двери

и удаляется.

(Делая шаг направо.) Эй, кто там есть? Ужель осталось в замке Хоть что-нибудь живое? Отвечай!

Исаак

А, это ты, убийца венценосный! Не тронь нас, августейший живодер!

Король

Ах, ты, старик! Зачем напоминаешь

Еще раз мне, что ты ее отец?

Таким родством ты загрязняешь образ,

Оставшийся навек в моей душе. А это Эстер?

Эстер Я, мой государь. Король

Свершилось?

Эстер Да.

Король

О, я предвидел это, Едва поднялся на ступени замка. Не надо жалоб! Чаша — до краев. Не дополняй — не то прольется наземь Бесценный яд и сил убавит нам. Живую — я хотел ее покинуть, Но мертвая — она навек со мной. И этот образ на моей груди, Он врос в меня незримыми корнями. Не я ль причина гибели ее? Не знай меня, она б сейчас резвилась, Беспечное, прелестное дитя, Себе на радость и другим на счастье, Быть может!.. Нет! О чем я говорю! Никто иной не смел ее коснуться, К нетронутому рту ее прильнуть, — Лишь королю она принадлежала, Еще меня не зная и не видя, Уже навек моей она была, Красой своей украсив блеск короны.

Исаак Он о Ракели говорит?

Эстер

О ней...

Хоть боль всегда удваивает ценность Любой потери, я должна сказать, Что вы ее уж слишком возносили.

Мы — только тени, говорю тебе, И я, и ты, и все другие люди. Вот ты добра — ты родилась такой, Я честен, ибо с детства так воспитан, Они убийцы — это их наследство. * Весь этот мир — сплошное повторенье: Зерно на свет рождается из зерна. Но та была самою правдой

божьей, Простой и первозданной, как природа, Что даже в странной дикости своей
Естественна, чиста, неповторима. Впервые ощутил я, что живу, Когда ее увидел в скуке
буден. Она была мне светом и отрадой. Так путник среди пустыни аравийской
Встречает вдруг оазис на пути, Горючими песками окруженный. Там расцветают дивные цветы,
Манят деревья свежестью, прохладой. . И что с того, что дикий зверь бредет
К ручью, томимый той же самой жаждой, Шипит змея под розовым кустом? — Усталый путник,
он не знает страха, Ликуя, пьет он воздух жадным ртом И отдыхает, в зелень трав зарывшись.
О, сочная, высокая трава!.. О, этот тонкий стан увидеть снова И этот рот, что радость жизни пел,
А ныне смолк навеки, укоряя Меня за то, что я ее не спас.

Эстер

Что делать нам? Беда непоправима. Не дай лишь бог, чтоб эта скорбь тебя
С твоим родным народом разлучила...

Король

Ты думаешь? Так помни: я — король, И не она одна, а я с ней вместе

Пал жертвою бессовестных убийц. Вступив на трон, я присягал народу
Блюсти закон, наказывать вину, И я до смерти буду верен клятве! Я должен быть сильнее себя отныне, —
Ведь все, что есть достойного во мне, Они тотчас на гнев мой ополчат: Воспоминанья ранних
детских лет, А дальше — встречу первую с невестой, И чувства благодарности и дружбы, Всю
жизнь мою они сожмут в кулак И на мою решимость замахнутся. И вызовут меня на поединок
С самим собой. А значит, я обязан Расстаться с прежним существом своим. Она... Она
повсюду возникает — Из всех углов, глядит со всех портретов. О, покажите мне ее опять
В ее неповторимом обаянье, Со слабостями милыми ее! Хочу ее поруганную видеть,
Растерзанную, мертвую, немую, И, в этот черный ужас погружась, Сравнить ее израненное
тело С изображеньем на моей груди, — Так извергом я стану для убийц!

(Видя, что Эстер поднялась.) Я так хочу! Не говори ни слова! И этот факел пусть
сопровождает Тот мой огонь, что душу мне палит В неистребимой жажде разрушенья. Скажи,
она в той комнате последней, Где я так часто...

Эстер Там она, король. Да, там она — и больше не уйдет.

Король

(схватывая факел) Все кровь я вижу на пути своем.

Кровавый путь! О, эта ночь несчастий!

(Уходит через левую дверь.) Исаак

Мы в темноте.

Эстер Нас тьма взяла в кольцо, Нас погребает эта ночь несчастий. Но где-то брезжит утро...
Попытаюсь Подняться, только бы хватило сил.

(Подходит к окну и отдергивает занавеси.) День занялся. И в мертвой белизне Еще видней
картины разрушенья, Вся разница меж «ныне» и «вчера».

(Смотря на украшения, разбросанные на полу.) Так вот они — в грязи — обломки счастья! О,
пестрая, пустая мишура, По чьей вине мы, а не тот, кто страшно Себя казнит за дверью в этот
миг, — Сестру и дочь преступно потеряли! Все, что свершилось, не могло не быть! Кто хочет
обвинять, пусть обвиняет, Но обвиняет собственную глупость!

Исаак

(садится в кресло) Здесь посижу я. Раз король пришел, То мне теперь никто уже не страшен.

Отворяется средняя дверь. Входит Манрике и Гарцеран, за ними королева, ведущая за руку сына, далее несколько

грандов.

Манрике Сюда войдите! Выстроимся в ряд. Пред королем мы тяжко провинились: Добра хотели, преступив закон, — Ответим же сполна перед законом.

Эстер

(на другой стороне быстро поднимает опрокинутый стол) Порядок водворю, чтоб не считали Нас трусами.

Королева

Вот здесь они! Смотрите!

Манрике

Не все ль равно?.. Они уже испили То, что, быть может, нам дано испить. Вставайте рядом, если вам угодно.

Королева

Я встану первой. Я виновней всех.

Манрике

О нет, не так, высокая сеньора! Вы только приговор произнесли, — Когда ж пришла минута исполнения, Вы содрогнулись, требуя пощады. Но тщетно: нас вела необходимость. И я бы не хотел, чтоб первый гнев Упал на тех, кто — вслед за государем — Надежда трона и оплот страны. Виновник — я. Хоть не своей рукой, Зато своим сочувствием, советом Я к этой злобной мести побуждал И должен первым за нее ответить. А ты, мой сын, согласен ли ты ныне, Как муж, держать ответ перед судом? За то, что не препятствовал убийству? Ведь самая попытка урезонить Монарха, а затем возврат к отцу — Уже считаться могут преступленьем.

Гарцеран Да, я готов. Я буду вместе с вами — И первым встречу королевский гнев.

Эстер

(с другой стороны сцены) Эй, вы! Вы все убийцы, как один! Любой из вас достоин лютой смерти! И все ж — довольно ужасов и мук. Я не хочу, чтоб умножались жертвы.

Король сейчас... там... у моей сестры. Он и доселе был в великом гневе, Теперь же, труп истерзанный узрев, Исполнится он ярости безмерной!.. О женщина с младенцем! Мне тебя Немного жаль. Ты хоть и виновата, Но оправданье есть твоей вине. Бегите же! Пока еще не поздно! И горе вам, коль вас увидит мститель: Он не остыл еще, чтоб быть судьей!

Манрике

Мы — христиане, женщина! Запомни...

Эстер

О, это доказали вы вполне. Как я горда, что родилась еврейкой!

Манрике

Мы — христиане! Мы готовы честно Ценою жизни искупить вину. Сложите же мечи, как я слагаю. Наличие оружия — это знак Упорства и готовности к защите. К тому ж нас слишком много для того, Чтоб выразить полнейшее смирение: Мы как бы делим меж собой вину, Страшась принять всю тяжесть безраздельно.

Все положили свои мечи на пол перед Манрике.

Так станем ждать мы... Нет, один из нас Пусть выйдет повелителю навстречу, Пред ним склонится, даже если мы Падем до срока жертвою возмездья! Иди, мой сын!

Гарцеран

(сделав несколько шагов к выходу, возвращается) Смотрите! Сам король!

Король стремительно входит из бокового покоя. Сделав несколько шагов, он оборачивается и смотрит пристально на дверь.

Королева О боже! Правый боже!

Манрике

Успокойтесь!

Король выступает вперед. Скрестив руки, он останавливается перед Исааком, который словно дремлет. Затем он идет на авансцену.

Эстер

(Исааку) Взгляни, отец! Враги твои дрожат. Ты рад? Я - нет. Она ведь не воскреснет.

На авансцене король рассматривает свои руки и проводит одна по другой, точно очищая их. Затем то же движение по груди. Наконец он поднимает руки к шее, как бы вытирая ее; в этом положении он останавливается и смотрит в упор перед собой.

Манрике Светлейший и добрый наш король!

Король

(вздрагивая) Ах, это вы? Я вас искал не даром. Все в сборе? Что ж. Тем легче для меня.

(Подходит к ним, меряя их грозным взглядом.)

Манрике (показывая на лежащее на полу оружие) Мы, государь, оружие сложили.

Король

Мечи я вижу. Значит, вы сюда Пришли меня убить? Ну, исполняйте Ваш замысел! Смелей! Вот грудь моя!

(Расстегивается.)

Королева Он снял его... С ним больше нет его...

Король О чем вы говорите, королева?

Королева Портрет зловещий снят с твоей груди!

Король Постой... Я принесу его тотчас (делает несколько шагов по направлению к боковой двери, затем останавливается.)

Королева

О боже! Не исчезло наважденье!..

Манрике

Мы знаем, грех наш тяжек, государь: Мы усомнились в совести твоей, В твой светлый разум потеряли веру. Не злоба нас, а время торопило. Страна — в тревоге, у границы — враг, И все вокруг вас призывает к битве.

Король

Итак, врагов карать нам надлежит? Вы правильно советуете, гранды. Я окружен врагами... Гарцерам!

Гарцерам

Я,государь!

Король

Пойди сюда, предатель! Мой самый лучший друг, пойдй сюда! Ответь мне, какого был ты мненья О девушке?.. Ах, ты ее убил? Но после мы поговорим об этом. Скажи мне, что ты думал о живой?

Гарцерам Она была прекрасна...

Король

Ну, а дальше?

Гарцерам Коварна, легкомысленна, хитра.

Король Так что ж меня ты не предостерег?

Гарцерам Я говорил вам...

Король

Ну, а я — не верил? А почему? Что сделалось со мной?

Гарцерам

Суть в колдовстве, считает королева. Король

О суеверье! Ты подмена веры, Когда в себе уверенности нет.

Гарцерам

Хотя память, пожалуй, и могу я...

Король

Все, что понятно, — можно оправдать. Скажи: я не был добрым королем И мягким,

справедливым человеком? Я был кумиром подданных моих И вовсе не считался вертопрахом, А уж слепцом никто меня не звал. Гак знай же, Гарцеран, я утверждаю: Она отнюдь прекрасной не была!

Гарцеран

Как, государь мой?!

Король

Верхняя губа Чуть-чуть тонка, что может значить злобу. В ее глазах, исполненных огня,

Почти неуловимый блеск коварства, А подбородок слаб и сладострастен, — И это все безмерно отравляло, Уродовало красоту ее.

Я к мертвой к ней отправился, чтоб гнев свой Разбередить и месть в груди разжечь, Но, к удивленью, вышло все иначе. Нет, не картины миновавших дней, Пьянящего, волшебного блаженства, А мой народ, мой сын, моя жена Передо мной торжественно возникли. И тотчас мне почудилось: гримаса Зловеще исказила мертвый лик. Безжизненные, скрюченные руки Задвигались, грозя меня схватить. Тогда портрет ее швырнул я в гроб, — И вот я здесь, еще опутан страхом... А ты иди! Хоть ты меня и предал, Мне нелегко наказывать тебя. Ступай к отцу. Со всеми станешь рядом. Средь вас сегодня невинных нет.

Манрике

(громким голосом) А вы, король?

Король

(после паузы) Я тоже виноват. Но ты скажи, чего мы стоим все, Весь мир, все наше с вами королевство, Коль в нем одни преступники живут? Но здесь мой сын. Пускай вперед он выйдет. Дитя мое! Ты слушаешь меня? Стань ангелом-хранителем отчизне, Чтоб нас простил всевышний судия! Вы, донья Клара, за руку его Введите в круг наш: вы одна достойны — Всеи вашей жизнью доказали это — Вести на трон невинность самое! Но — нет! Здесь — мать. Она свой грех великий

Во имя сына на душу взяла. Да будет прощено ей преступленье!

Королева выходит вперед и склоняет колено перед королем.

Супруга! Вы караете меня? Хотите указать мне, как в дальнейшем Я должен вас приветствовать? Ну что ж... Кастильские вельможи! Перед вами — Король ваш новый. Рядом с ним стоит Правительница. Я ж отныне только Военачальник сына моего. И как к господню гробу пилигримы Бредут в далекий Иерусалим, Чтоб покаяньем искупить грехи, — Вот так и я, сознав свой грех нелегкий, Вас поведу во имя искупленья В поход на мавров, на неверных псов, Которые из Африки посмели Прийти сюда и нагло угрожать Моей стране, спокойствию ее И кроткому кастильскому народу. А коль на то случится воля божья И я вернусь назад как победитель, Тогда решайте, вправе иль не вправе Я вновь престол Кастилии занять И охранять закон, что мной нарушен... Вас ждет, сеньоры, точно та же участь: Вам надлежит последовать за мной В огонь войны, на лютого врага, — И кто падет, тот общий грех искупит. Гак я караю и себя и вас. Теперь же сына моего поставьте На щит, как если б это был престол. Ведь он король Кастилии отныне. Так вместе мы покажемся народу.

Вносят щит.

Вы, женщины, младенцу дайте руку. Да... Очень шаток первый трон его И трону настоящему подобен... Ты, Гарцеран, останешься при мне.

Мы в общем легкомыслии повинны, И к очищению путь у нас один. И если ты грехи в бою искупишь, То, может, эта тихая, святая Тебя подарит благосклонным взглядом И милостью высокою своей. Исправьте же его, о донья Клара! Но я молю вас, богом заклинаю — Его вы научите добродетель Не только почитать, но и любить. От многих это отвратит соблазнов.

Вдали слышатся звуки труб.

Вы слышите? Они трубят. Созвал их Я для того, чтоб уничтожить вас. Теперь они — нам верная подмога В сраженье против общего врага, Строптивного, безжалостного мавра, Который рвется к нашим рубежам, Кому в ответ несем мы кровь и гибель. Мы оттесним его назад, в пески, Откуда он посмел сюда явиться, И этим обезвредим отчий край От внешних и от внутренних волнений. Вперед! За мной! Да будет воля божья!

Порядок шествия уже раньше установился. Впереди несколько вельмож, за ними на щите младенец. Обе женщины, справа и слева, держат его за руки. Затем идут остальные, последним — король, доверчиво опираясь на Гарцерана.

Эстер (обращаясь к отцу)

Ты видишь? Вновь они собой довольны,

И счастливы, и веселы, как прежде,

И затевают свадьбы да пиры.

Они — вельможи. Им здесь все подвластно.

Вот почему во имя примиренья

Они сегодня закатили пир

И жертву неповинную заклали,

Избрав ее из малых, из простых,

И руки жмут кровавые друг другу.

(Выступая на середину сцены.) Так вот что я скажу, король лукавый! Беги в свое надменное забвенье! Свободен ты от чар моей сестры. Ее любовь не властна над тобою, Ты предал все, что прежде так любил. Но знай: когда в разгар кровавой битвы Трусливо дрогнут слабые ряды — Поскольку сила с подлостью не дружит, — В тот самый час карающей беды Ты обратишь свой взор к глухому небу И там увидишь лик моей сестры, Не тот, который звал тебя когда-то — Не щедрую, живую красоту, — А искаженный мукою последней, Растерзанный, печальный, мертвый образ, Пред коим так постыдно задрожала Твоя скупая, робкая душа, — И с плачем ты себя ударишь в грудь И вспомнишь про еврейку из Толедо!

(Держа старика за плечо.) Отец, идем! Туда!.. Мы ей нужны. (Показывая на боковую дверь.)

Исаак

(словно пробуждаясь) Как? Дай мне вырыть золото сначала...

Занавес